

Янь У снился сон.

Во сне господин не терял памяти и относился к нему по-прежнему хорошо. Усаживал за один стол, подкладывал в миску любимые блюда. Брал его за руку, смазывал обморожения мазью и ласково спрашивал, не больно ли. Обнимал его по ночам, и как бы Янь У ни вертелся, никогда не сердился.

Если бы только можно было вечно жить в этом сне и не просыпаться... вечно наслаждаться любовью господина.

Прошло много времени, прежде чем сознание начало медленно возвращаться к Янь У. Он приоткрыл глаза и, увидев знакомый потолок, понял, что находится в своей спальне.

Вспоминая глупости, которые натворил, он горько усмехнулся. Как он только посмел?

Допрашивать господина... пререкаться с ним... а под конец пытаться убить себя... Теперь он и сам не понимал, откуда взялась такая смелость. Господин всегда называл его безрассудным простаком, и, похоже, был прав: он и вправду сначала делал, а потом думал.

Мало того что безрассуден, так ещё и вечно доставляет господину хлопоты. Теперь, когда господин его забыл, он может хоть десять раз перерезать себе горло — тот всё равно не станет переживать. Лишь сочтёт его неразумным.

Та чашка разбилась у его уха, но в следующий раз она наверняка прилетит ему прямо в голову.

Янь У внезапно кое-что вспомнил, и улыбка застыла на его лице. Лицо... его лицо...

Он резко вскочил с постели, но почувствовал, как левую ногу что-то дернуло назад. Это натяжение ограничило его движения, не давая дойти до зеркала.

Янь У резко обернулся, всё его тело напряглось. На его левой щиколотке красовалась железная цепь с замком. Цепь была короткой, не длиннее двух чи, и крепилась к ножке кровати. ... Это значило, что пространство для его передвижений стало ничтожно малым: он мог лишь сидеть на кровати, и больше никуда.

Даже в зеркало не глянуть... а он так хотел увидеть, насколько стал уродлив...

Лицо Янь У исказилось от неясных чувств. Он поправил прядь волос, прикрывая рану на щеке, и забился в угол кровати, обхватив колени.

У него была сотня способов сорвать эту цепь и уйти куда угодно. Но... он не хотел больше расстраивать господина. Он должен быть послушным. Если господин прогонит его, идти ему будет совсем некуда.

Рана на шее отзывалась приступами тупой, онемевшей боли. Должно быть, её уже обработали лекарством: чувствовался прохладный холодок, а горло было обмотано тонкой тканью.

«Господин, должно быть, теперь до смерти мной раздосадован».

Деревянная дверь скрипнула, и он невольно наострил уши. Янь У взглянул на вошедшего, но, увидев пожилую женщину, почувствовал, как искра надежды в глазах тут же погасла.

Он не проронил ни слова, молча глядя на старуху. Лицо её было знакомым — старая служанка, прислуживавшая господину.

Позже из-за почтенного возраста она попросилась на кухню, и теперь именно она ежедневно варила лекарственные отвары для князя.

— Господин Сяо У, я принесла немного еды. Поешьте, — сказала она.

Старуха видела, что он скован в движениях, поэтому поставила поднос прямо на постель. Почтительно подав Янь У палочки, она добавила:

— Окунь на пару, креветки с зеленью и миска бараньего супа. Князь сказал, что вы ранены, и велел приготовить что-нибудь лёгкое.

— Лекарь уже осмотрел вас. Сказал, что вы много дней почти ничего не ели, потому и ослабли так сильно. Как бы вы ни были заняты, нельзя же совсем обходиться без еды и воды. Князь также велел мне докладывать ему, сколько вы съедаете.

— Князь... — на сердце у Янь У потеплело. Он взял палочки, хотел что-то спросить, но проглотил слова.

Старуха поняла его без слов и тихо произнесла:

— Господин Сяо У, лечитесь спокойно, с князем всё хорошо. И ещё... князь велел вам оставаться здесь, пока не поправитесь. Только тогда... сможете переступить порог этой комнаты.

— ...Мгм, я понял, — сглотнув ком в горле, Янь У опустил глаза и принялся молча есть.

В первый раз его заперли. Господин беспокоится о нём... или же он настолько ему надоел, что тот не хочет его видеть?

Янь У обычно ел молча и очень тихо. Обморожения на руках заметно затянулись, опухоль спала, боль и зуд ушли. Видно, мазь была отменная — он всё ещё чувствовал её тонкий аромат.

Такое дорогое лекарство — и тратить его на него... Он ведь каждый день работает на износ, любые раны рано или поздно вернутся.

— Господин страж, в таких делах нельзя торопиться, — старая служанка, собиравшаяся уже уйти, не выдержала, видя его понурый вид.

Она стояла, сгорбившись, и говорила дребезжащим голосом:

— Лекарь говорит, что недугу князя нужно время. Наберитесь терпения. Возможно, в один прекрасный день он вспомнит всё, что было между вами.

Янь У, не ожидавший таких слов, сначала опешил, а затем кивнул. Он и сам неустанно твердил себе, что господин поправится, что вспомнит каждую мелочь, каждую крупицу их прошлого.

Но теперь он стал ещё уродливее... Даже если господин всё вспомнит, вряд ли захочет быть с ним. В мире полно красавиц, перед которыми меркнут луна и цветы, они сияют и притягивают взоры. А он угрюм и не смыслит в ласках.

Даже если сердце господина и правда достанется другому, он не вправе будет сказать ни слова.

Старуха продолжала утешать его:

— Да разве в поместье кто-то не знает, что князь к вам привязан всей душой? Ваше место никто не займёт. Помните? Несколько лет назад князь ездил на охоту на гору Юйшань и подстрелил белоснежную лису с великолепным мехом. Он не оставил мех себе, а велел сделать из него воротник для вашего плаща.

— Вы должны беречь себя до того мига, когда к князю вернется память. Если вы снова исхудаете или поранитесь, князь будет винить себя.

— ...Благодарю вас, матушка.

Янь У вежливо склонил голову. Он попытался улыбнуться, но не смог. Каждое слово старухи вонзалось в его сердце, как нож.

— Кушайте, а я подожду снаружи.

— Матушка, идите отдыхать, я справлюсь сам.

— Таков приказ князя, — морщины в уголках глаз старухи стали глубже, и она многозначительно добавила:

— Если я скажу, что вам сейчас нехорошо, князь может прийти навестить вас...

Янь У мгновенно понял намек, вцепился в края миски и поспешно выпалил:

— Не надо! ... Не надо, мне хорошо.

— Тогда я пойду, — старуха поклонилась. Несмотря на возраст, ходила она ещё крепко. Ей было совсем не трудно лишний раз передать весточку между ними.

— Да, чуть не забыла. Князь велел вернуть ваши вещи на место.

«Мои вещи...»

— ...Нельзя ли принести их сюда? — Глаза Янь У загорелись, в голосе послышалась мольба.

— Слушаюсь, — ответила она.

Едва получив сверток, Янь У прижал его к груди, захлебываясь от радости возвращения утраченного.

— Матушка, помогите мне ещё в одном деле. У меня есть две вещи, передайте их князю.

Янь У достал из-под подушки две коробочки и торжественно вложил их в руки старухи:

— Пожалуйста, сделайте так, чтобы князь их принял.

Когда она ушла, он отыскал среди вещей несколько волосков и бережно обмотал их вокруг запястья.

«Господин...»